Н. КОЛЕСНИКОВ. Документальная повесть

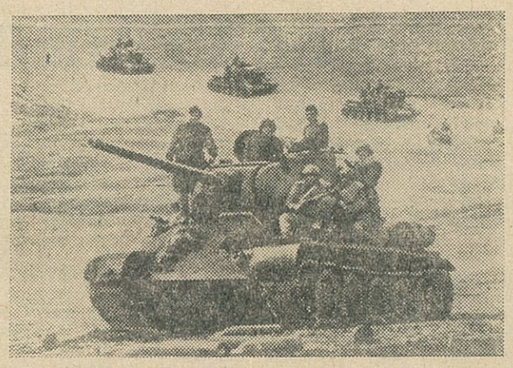
О чем болит сердце

ЗАДАЧА НАШИХ ВОЙСК, как мы потом узнали, была такова: танковые и механизированные части, вошедшие в прорыв с западной и восточной сторон, должны были захватить Яссы и, выйдя на реку Прут, соединиться, сжимая кольцо окружения, загнать немецкие части в мешок. Мы теперь и оказались тем самым узелком, которым был стянут этот мешок.

Уже к вечеру этого дня, наблюдая в бинокль и стереотрубу, мы увидели, что с юга и юго-востока по многочисленным дорогам, ведущим в село, втягиваются немецкие машины, танки и артиллерия, рассредотачиваясь в селе и по оврагам вокруг него.

В воздухе все время висела наша авиация. Штурмовики бомбили и об-

Этот снимок, сделанный в 1944 году, назван «Дорога на Унгены». Стремительной и широкомасштабной была Ясско - Кишиневская операция. О ее финале рассказывает Н. Колесников во второй и третьей главах своей повести.



2. Кольцо сомкнуть!

стреливали эти колонны, но края им видно не было. Зная теперь уже, что вся эта масса немецких войск (было их примерно около 12 дивизий) будет прорываться в западном или юго-западном направлениях, мы хорошенько окопались. Радиус этого окружения равнялся примерно 4—5 километрам.

Ночь прошла сравнительно спокойно. На участке соседней дивизии в западном направлении несколько мелких групп немцев пытались прорваться, но были уничтожены.

Начался рассвет. И, как только видимость стала хорошей, я в стереотрубу определил, что на южной стороне села, на высотках, стоят наши танки. Значит, мешок окружения был завязан накрепко.

Стояла утренняя тишина, и только в селе раздавалась редкая беспорядочная стрельба. Несколько густых дымов поднимались вверх, чуть сносимых ветром.

В небе появился «У-2». Сделал над селом круг и сбросил массу листовок с воззванием к немецкому командованию и солдатам. Несколько листовок попало и к нам. В них говорилось о безвыходном положении окруженных и не нужном кровопролитии, содержалось требование сдаться в плен. На размышление был дан один час, после чего наше командование предпримет все необходимые меры для полного уничтожения окруженных.

Прошел час. Час тишины и ожидания. Ответа не последовало. В небе появились наши бомбардировщики и штурмовики и в течение десяти минут бомбили и обстреливали село, прилегающие к нему овраги, где была сосредоточена фашистская техника. Открыла огонь и вся наша артиллерия. Теперь уже не два как-бы случайных дыма поднимались вверх. Густой дым окутал землю. И вдруг — резкая тишина. Лишь отдельные взрывы в оврагах — очевидно, рвались снаряды.

Минут через тридцать с западной стороны и юго-западной окраины села устремились на наши позиции многочисленные толпы окруженных. Хлынули они в полном беспорядке: ревущие как будто огромное стадо: кто ехал верхом на лошади, крича и размахивая автоматом, кто на артиллерийском передке, танки были сплошь улеплены солдатами и офицерами. И все это возвышалось над общей массой пеших. Обычное состояние подготовки к бою дополнялось любопытством: как поведут себя эти толпы, когда упрутся в стену огня? Было и интересно и жутко смотреть на эту ревущую массу, движущуюся прямо на нас. Когда расстояние сократилось метров до пятисот, стало видно, что многие идут и едут с белыми флажками.

В это время с наблюдательного пункта позвонил командир полка и сказал командиру батальона, капитану Сергину, с которым мы находились прямо в траншее:

— Возможно они хотят устроить провокацию, я еще не видел, чтобы так сдавались. Подпустите их на сто метров и открыть огонь из всех огневых средств! Все. — И добавил, — Держаться, ребята!

Сергин быстро отдал приказания командирам рот, а я — командирам батарей. Снова стали наблюдать. Вот уже различимы лица. Немцы двигались прямо на нас. Я до сих пор не пойму, для чего и почему они так кричали, возможно, хотели испытать наши нервы, или подействовать на психику? А может этот крик и двигал их вперед...

Расстояние все сокращалось и стало ясно, что останавливаться они не думают. Из всех огневых стволов ударили мои ребята. Тут же огонь поддержала пехота. Среди немцев возникла паника. Один из их танков, сделав всего один выстрел, был подожжен нашими артиллеристами. Слева и справа от нас тоже горело несколько танков. Часть немцев стала отходить, но несколько групп, открыв огонь, все-же прорвались через наши позиции, но на второй линии были уничтожены. В этот раз благоразумных оказалось немного — они сдались в плен. Остальные, отстреливаясь, откатились в село. Только на позиции нашего полка шло не менее 3—4 тысяч. Такая же картина была и на участках других полков справа и слева от нас.

Все уцелевшие фашисты, драпавшие в село, притихли.

В небе снова появилась наша авиация и вновь начала бомбить и обстреливать село. Как и в первый раз, подключилась артиллерия. Поняв, что прорваться будет невозможно, часа через полтора фашисты снова такими же огромными толпами, но без рева и шума, с большими белыми флагами устремились к нашим позициям. Артиллерийский огонь был прекращен, но задача оставалась прежней: подпустить не ближе чем на сто метров.

3. Гибель комиссара

Комиссар батальона Иван Сысоевич Викторчик находился вместе с комбатом в первой роте батальона. Двигавшиеся прямо на нас немцы, не доходя метров двести, остановились. Из выдвинувшегося вперед бронетранспортера вышли три немца с белым флагом и направились в нашу сторону.

И справа и слева, на сколько мог видеть глаз, происходила такая же картина. Отдав приказание своим пулеметчикам и автоматчикам, чтобы в случае чего открывали огонь, комбат сказал мне:

— Ну что, Николай, пойдем, послушаем, что будут говорить фрицы.

Взяв с собой ординарцев, мы вылезли из траншеи и направились навстречу немцам. Остановились они метрах в ста от наших траншей, на довольно чистой и обширной поляне, немного как-бы конусообразной. Вся поляна была усеяна трупами. И это обстоятельство молчаливо, но выразительно свидетельствовало о бессмысленности сопротивления. Мы сошлись. Перед нами стояли два немецких генерала, а сзади них по-видимому чейто адъютант. Вид у генералов был куда как не парадный. Сняв с себя пистолеты и зачем-то часы, один из них передал мне, а другой — комбату. Немецкий офицер, стоявший поодаль, на неособенно чистом русском языке сказал нам, что генералы являются командирами таких-то частей, сдаются в плен с вверенными им солдатами и офицерами, так же со всей уцелевшей техникой.

— Остались ли в селе какие-нибудь части? — задал я вопрос.

— Кроме госпиталей и большого количества раненых, а также большого количества умерших и убитых в селе никого нет, — ответил переводчик. — Мы просим разрешения похоронить погибших.

— Насчет захоронения будет решать наше командование. За раненых можете не беспокоиться. А вот насчет вверенных вам частей разговор состоится. Всем сдавшимся вот здесь складывать оружие, обезоруженным не стоять, не ходить. Всем рассаживаться прямо на землю. Чтобы ни одного пистолета, ни одного ножа не вздумали взять.

Командир и комиссар полка находились в других батальонах и сейчас вели такие же перговоры.

В этой операции только нашему полку сдалось около 5 тысяч солдат и офицеров и 5 генералов.

Командир батальона послал своего ординарца с приказом командиру второй роты прибыть с тридцатью солдатами для принятия оружия и охраны пленных. Не прошло и получаса, как уже человек около пятисот сидело, а впереди их стояли генералы и еще несколько старших офицеров.

Вереница сдавшихся все шла и шла, бросая автоматы, ручные пулеметы, гранаты уже во вторую кучу.

Вдруг на левом фланге от нас в первой роте, где находился Иван Сысоевич, раздались две автоматные очереди, а потом застрочил станковый пулемет и все стихло. Минут через пять после этого вижу: к нам сюда бежит старшина Клюев, а за ним — четверо бойцов. К нам подбежал будто и не наш старшина Клюев, хладнокровный, подтянутый, видавший такие виды... По щекам текли слезы, и, еле сдерживая дыхание, он проговорил: «Товарищ капитан, товарищи! Они убили комиссара... они подло убили Ивана Сысоича!..».

(Продолжение. Начало в №№ 96, 99).

(Продолжение следует).

ки ходили, выдавая неистовое на-
яжение. Да глаза горели огнем,
к тогда, на Северном Донце, когда
тели его забрать от комиссара Вик-
рчика в роту разведки. Я и сейчас,
гпоминая тот день, пытаюсь ответить
п его вопрос, взвесив все «за» и
дротив», но никак не могу заставить
ебя отказать.

—Ну что ж, Семен Трофимович, раз-
рвариваешь ты по-немецки прекрасно.
горе твое — мое горе. Я ведь боль-
ше твоего знаю Викторчика. Так что
ызывай желающего померяться с то-
ой силой.

Когда он своим густым басом на
истом немецком языке изложил суть
ела, многие немцы, в особенности
тоявшие офицеры удивились этому.
Немало удивляла и его могучая фигура.

Время шло, но желающих не бы-
о. Клюев обратился к офицерам и
енералам, сказал им что-то. От них
тделился один и стал кричать:

— Вилли! Во ист Вилли?

— Это я понял без переводчика:
де Вилли? Но отчего среди высшего
фицерского состава гитлеровцев та-
ое замешательство? Я посмотрел на
уревича и прочел на его лице такое
ке замешательство.

— Что им сказал старшина?

— Он сказал им, что если сейчас же
не отыщется доброволец, то ему раз-
решено руками передушить всех офи-
церов и генералов.

— Скажите им, что такого разреше-
ния этот солдат не имеет. Что вообще
советские солдаты никогда не дойдут
до той низости, чтобы расправляться
с безоружным врагом.

Гуревич не успел перевести мои
слова. Навстречу Клюеву уже шел, про-
бираясь между сидящих, тот самый
Вилли, которого так неистово звал
офицер. Он был чуть ниже Клюева, но
немного упитаннее. Покатые плечи,
бычья шея и мощный торс выдавали в
нем борца. К тому же, он был моло-
же нашего старшины лет на десять.

Клюев снял гимнастерку, а немец—
френч.

унтера в штаб. Ведь по телефону-то уже доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручись они за меня, может, трибунал уже определил мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сыны должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он оттуда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с комдивом. После всех поздравлений и распросов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, принимайте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отказаться от предложения!

—Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал трофейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальник разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время полагается расстрел. Расстреляйте меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины, трудоспособные пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатным форменным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож-дворник.
Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ: 658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 106.
ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов и фотокорреспондента — 30-12, 34-43, редактора рабочей приемной — 30-36.

АГ—15079. Типография АТЗ Зак. 349 Тираж 4.030 экз.